

РУССКОЕ
КУДЕСНИЧЕСТВО
И ЧАРОДЕЙСТВО

МОСКВА

УДК 398.2(=161.1)
ББК 82.3(2Рос=Рус)
Р89

Оформление серии *Натальи Ярусовой*

Р89 **Русское** кудесничество и чародейство. — Москва : Эксмо, 2025. — 608 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-211424-3

В сборник вошли произведения «Русское народное чернокнижие» известного собирателя и исследователя русского фольклора Ивана Петровича Сахарова, труд Владимира Ивановича Даля, автора толкового словаря русского языка, «О повериях, суевериях и предрассудках русского народа», былички, бывальщины и сказки о мифологических персонажах, записанные исследователями народной культуры и быта второй половины XIX — начала XX века.

УДК 398.2(=161.1)
ББК 82.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-04-211424-3

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Слово к русским людям

В истории русского народа доселе изображали одну только Русь исторически общественную, забывая Русь семейную, может быть, единственную в жизни северных народов. Кто опишет нам нашу жизнь? Неужели чужеземцы? Мы одни можем верно изобразить свою жизнь, представить свой быт со всеми изменениями; этого Россия ожидает только от русских. Ни один чужеземец не поймет восторгов нашей семейной жизни: они не разогреют его воображения, они не пробудят таких воспоминаний, какими наполняется русская грудь, когда ее быт совершается воочию. В родных напевах, которые так сладко говорят русской душе о родине и предках; в наших сельских думах, которые так умильно вспоминают о горе дедовском; в наших сказках, которые так утешно радуют русских детей; в наших играх, которыми утешается молодежь после тяжких трудов; в наших свадьбах, в которых так резво веселится пылкая душа мужающих поколений; в суеверных повериях нашего народа, в которых отражается общая мировая жизнь, — вмещается вся семейная русская жизнь.

Напрасно думали, что только одни записи летописцев могут служить основанием для истории русского народа. Разве наши песни, наши сказки, наши думы, наши поверия были выражением других народов? Нет! Это все было в нашей родной стороне, это все высказывалось нашими предками, и обо всем этом забывают говорить в историях рус-

ского народа. Если бы чужеземец спросил: «Что вам осталось от вашей старой семейной жизни?» Мы бы с гордостью пригласили его на русские святки в старинный боярский дом, и там, указывая на разгул народных фантазий, сказали бы ему: «Вот ей памятники! Вот наша старая русская жизнь!» Было время, когда всем этим дорожили, когда все это любили, когда все это берегли, как сокровище. Образованные европейцы восхищались нашими песнями; но можно ли их восторг сравнить с нашим восторгом? Они в нашей народной поэзии слышали только отголоски, вылетевшие из восторженной души; но они не могли постигать наших дум, создаваемых вдохновением и восторгом в полном наслаждении семейной жизни.

Много погибло на нашей родине отечественных преданий, драгоценных для истории, незабвенных для потомства. Краса русских князей, враг неправды и злодеев, витязь отважный, чудо вековое — Мстислав Удалый величаво красуется в нашей истории и славится памятью в думах народных. Историки об этих думах не знают. Мы переводим вздорные повести, а не хотим вспомнить о думе: Иван-озеро, думе неподражаемой. Какая-то непостижимая сила сберегла для нас памятники угаснувшей словесности: Песнь о полку Игоревом и Сказание о Куликовской битве. Если бы народные думы были изданы, то верно все слова, непонятные в Песне о полку Игоревом, сроднились бы с нашими понятиями, и тогда, может быть, постыдились говорить, что наших Баянов не бывало, что эта песнь есть современное наше произведение.

Русские любили места, где они родились, где жили предки, где стояли грудью за родину. Там, в звучных словах славилась родина, славилась хижина, славилась река, близ которой ликовал свою победу дед и прадед. Реки: Волхов, Москва, Волга, Ока, Дон, Дунай, Днепр — не забыты русскими. Игривое воображение, олицетворив богатырскою отвагою победные берега рек, произвело прелестные народные создания. Так, песня о Доне имеет свою неподражаемую

оригинальность, свою вековую самобытность, свою первобытную поэзию, свою историю. Волхов, безмолвный свидетель великих событий, воскрешает забытые народы. Ока грустно припоминает о набегах татар, стесняет грудь песнопевца и тяжелым звуком навеивает бывшее страдание отчизны. Волга, утолявшая жажду бесчисленных племен, памятна песнями и разбоями. В песнях днепровских славится двор великого Владимира, его могучие богатыри, его отважные походы. Дунай говорит нам о других, забытых русских походах. Это все оглашается и доселе в разных селениях; но об этом немного напечатано.

Не я первый принимаюсь за описание русской семейной жизни; наши писатели своими изысканиями уже успели заслужить лестное одобрение от соотечественников. Много приготовлено русских изысканий; но еще более представляется надежд в будущем. Русские пословицы и русские народные праздники, собранные неутомимым попечением И. М. Снегирева, составляют лучшее украшение нашей археологии. В издании русских сказок, русских песен, славяно-русской мифологии мы имеем надежды на почтенных изыскателей Н. А. Полевого, П. В. Киреевского, М. Н. Макарова, А. Ф. Вельмана.

В сказаниях русского народа о семейной жизни своих предков я поместил все то, что было собрано мною во время путешествия по губерниям Тульской, Калужской, Орловской, Рязанской и Московской. В эти счастливые дни моей жизни, изучая русскую семейную жизнь, я внимательно вслушивался во все рассказы поселян, с тщательностью записывал все народные предания и поверия, большею частью со слов самих рассказчиков. Из этих-то записок представляю на суд любезным соотечественникам сказания русского народа. Сознаюсь, что мои изыскания далеки от полноты, которая должна бы находиться в этих собраниях. Для этого надобно объехать всю русскую землю и [изучить] неутомимые труды многих людей. Считаю за тяжкий грех скрывать от просвещенных соотчичей все собранные мною

предания, представляю их столько, сколько мог собрать. Людям, знакомым с этим родом занятий, известны труды, необходимые для подобных собраний, а потому я не решаю говорить о своих усилиях и ежеминутных препятствиях, встречавшихся мне во время разъездов для собрания памятников. Впрочем, о трудностях, предстоявших мне в собрании полных сказаний, я говорю не в извинение своих недостатков.

Благосклонное внимание к моим трудам просвещенных соотечественников доставило мне возможность продолжать предпринимаемое издание своих изысканий. С надеждою на это внимание, распространяю план, и в сказаниях русского народа будут представлены:

1. Сказания русского народа о чернокнижии.
2. Песни русского народа.
3. Сказания о русских народных играх.
4. Сказания о свадьбах русского народа.
5. Сказания о семейных повериях русского народа.
6. Сказания о демонологии русского народа.
7. Сказания о русской народной символике.
8. Думы русского народа.
9. Сказания о врачебных знаниях русского народа.
10. История русской народной литературы.

Мыслящие читатели не удивятся, что я, описывая предметы, которых нелепость сама собою бросается в глаза всякого образованного человека, часто особенно обращаю внимание на эту нелепость. Есть класс читателей, которым может попасться в руки моя книга и для которых, очевидно, такие оговорки будут необходимы.

Священною обязанностью почитаю принести мою благодарность просвещенным соотечественникам: его высокопревосходительству А. Н. Оленину, Е. Е. Штадену, бывшему тульскому военному губернатору, почтеннейшему И. Ф. Афремову, любителю древностей Н. Л. Камаеву, опытному знатоку отечественных древностей Н. П. Воейкову — снабжавшему меня советами и редкими книгами, А. Х. Востокову,

Е. Н. Воронцову-Вельяминову, князю В. Ф. Одоевскому — принявшему ревностное участие в издании моих собраний, В. Г. Анастасевичу и А. В. Терещенко.

Изданием сказаний русского народа, исполняя обет, данный любезной отчизне, я осмеливаюсь просить просвещенных соотечественников о справедливом замечании моих недостатков и об указаниях на другие, неизвестные мне русские поверия. Все, сказанное благонамеренною критикою, я готов принять с сердечною признательностью.

Иван Сахаров

И. П. Сахаров
Русское народное
чернокнижие

ПРЕДСКАЗАНИЯ И СКАЗАНИЯ О РУССКОМ ЧЕРНОКНИЖИИ

Народные предания

Тайные сказания русского народа всегда существовали в одной семейной жизни и никогда не были мнением общественным, мнением всех сословий народа. Века и события, изменявшие Русскую землю, обновляли людей вместе с их понятиями; но в этих обновлениях не могли участвовать все народные сословия. Люди, близкие к престолу, люди, участвовавшие в служении церкви, люди, исполнявшие общественные должности по городам — более всех обновлялись; люди промышленные участвовали в обновлении исполнением только нужд, примыкали к людям с обновленными понятиями, но никогда не выходили из границ семейной жизни; люди сельские всегда и постоянно находились в семейной жизни. Взгляните на их занятия в XIX веке. Они одни и те же, какие были в X, XII и XVIII веках: там и здесь земледелие, там и здесь сельская промышленность, там и здесь поверья. Люди, обновлявшие свою жизнь, оставляли понятия и поверья, противные образу их действия; люди, оставшиеся в неизменной жизни, никогда не изменяли ни своих понятий, ни своих поверий. Вот отчего в рассказах поселян мы доселе слышим были о старой русской семейной жизни.

Предания русского народа вмещают в себе все подробности тайных сказаний, передаваемых из рода в род. Наши письменные памятники намекают о них тогда, когда нужда заставляла указать народу на вредные следствия. Представляем здесь словесные предания русского народа о тайных сказаниях чернокнижия, известного доселе нашим простолюдинам.

Словесные предания русского народа говорят, что люди, посвятившие себя тайным сказаниям чернокнижия, отрекались от Бога, родных и добра. Так понимали этих людей предки, так теперь думают современники нашей сельской жизни. В старину олицетворителей тайных сказаний оглашали разными названиями. Одних величали кудесниками, чародеями, ведунами, колдунами; других называли волхвами, ворожеями, знахарями, доками. Но все эти люди известны были под общим именем чернокнижников. Мы не можем теперь обозначить этого отличия, как не можем сказать: в чем заключалось чернокнижие наших предков? Вероятно, что умственное образование, сообщаясь всем сословиям, изгладило из народной памяти различие этих олицетворений. Но народ доселе еще хранит в памяти предание о чернокнижии, доселе еще думает о возможности его бытия.

Говоря о чернокнижниках, наши поселяне уверяют, что они научаются лихому делу от чертей и всю свою жизнь состоят в их зависимости. Заключая с духом условие на жизнь и душу, они получают от них Черную книгу, исписанную заговорами, чарами, обаяниями. Всякий чернокнижник, умирая, обязан передать эту книгу или родственникам, или друзьям. Во многих селениях есть поверья, не оспариваемые ни веками, ни людьми, поверья, что умершие чернокнижники приходят в полночь, одетые в белые саваны, в дома своих родственников. Это бывает только с теми, которые забывают передавать при смерти Черную книгу. Старики рассказывают еще, что полночные посетители шарят

по всем местам, садятся за стол и съедают все им предлагаемое. Другие же, напротив, уверяют, будто они, приходя к дому, стучат в двери и окна, истребляют всякий домашний скот и, при пении последних петухов, исчезают. Родственники, выведенные из терпения, выкапывают черно-книжников, кладут их во гроб ничком, подрезывают пятки, засыпают землю, где в это время дока шепчет заговоры, а родственники вбивают осиновый кол между плечами. Старики рассказывают, что когда-то один удалый молодец вздумал почитать оставшуюся книгу после чародея. Во время чтения явились к нему черти с требованием работы. Сначала он им предлагал работы легкие, потом трудные; но черти все являлись за новыми требованиями. Истомленный выдумками для отыскания работ, он не находил уже более для них занятия. Неотвязчивые черти задушили удалого молодца. С тех пор, говорят, никто не смеет приближаться к Черной книге. По уверению народа, одни только колдуны знают, чем занимать чертей. Они посылают их вить веревки из воды и песка, перегонять тучи из одной земли в другую, срывать горы, засыпать моря и дразнить слонов, поддерживающих землю.

Народ никогда не любил чернокнижников, как врагов семейной жизни. Чародей бывает ли на свадьбе — он портит или жениха, или невесту, или гостей. Видит ли кудесник дружную жизнь в семействе — он портит мужа с женою, отца с сыном, мать с дочерью. Поссорится ли знахарь с крестьянкою — он присаживает ей на нос килу. Обойдут ли колдуна приглашением на свадьбу — он бросает *порчу* на дорогу, где проезжает поезд, и тогда свадьба сбивается с толку. Испортит ли ведун женщину — она лает собакою, мяучит кошкою, и когда положат на нее запертый замок, она выкликает своих недоброжелателей.

Старушки говорят, что порчи, произведенные чернокнижниками, бывают временные и вечные. Временные порчи отговариваются в деревнях доками, вечные же ос-

таются до конца жизни. Молва народная гласит, что чародеи могут испортить человека за тысячу и более верст, выпуская из-за пазухи змею или ужа, которые залезают в чрево, и тогда кликуша чувствует, что порча подкатывается под сердце и лежит, как пирог. Чернокнижник, несмотря на свою злость к людям, никогда и никого сам собою не портит. Все это делается по просьбе людей враждующих, по неотвязчивости молодежи, желающей навести сухоту на красу девичью и на молодечество. Любовь, выражаемая в селах сухотой, слывет напущением. В этом случае простолюдин, заметивши красоту девичью с сухотой, говорит: «Это неспроста — здесь замешалась чертовщина». От этого вошло в поговорку в сельском быту говорить при взгляде на непросыпного пьяницу, записного игрока: «Это напущено». Кроме этого, чернокнижникам приписывают обморочанье, узорочанье, обаяние.

Обморочить, слово столь часто повторяемое в русских избах, выражает собою полное могущество чернокнижника. Ясно простодушие поселянина: обморочанье есть обман. Чародей, пленившись какою-нибудь вещью, уверяет хозяина, что в ней водится нечистая сила. Как не поверить чародею, знающему всю поддонную, видящему в землю на семь пядей! Простодушный со страхом вручает вещь, а чародей навсегда остается полным ее владельцем. И это значит обморочить. Так точно цыгане успевают уверять поселянок, что в их коробах, наполненных деньгами и вещами, завелись мертвые мыши. В таком случае, избавляя от мышей, они избавляют их от денег и вещей. И это значит тоже — обморочить. В народном рассказе сохранилось еще выражение, составленное из этого слова. Когда простолюдина уверяют о предмете против его понятия, он говорит: «Что ты меня морочишь?»

Узорочанье есть снадобье, приготовляемое для порчи чародеями, слова, выговариваемые кудесниками. Наши поселяне так верят в узорочанье, что никакими доказательст-

вами не можно их переуверить. Дадут ли старухе снадобья от лихорадки — она думает, что узорочанье истребляет ее болезнь. Привесят ли ей записку к ладонке — она уверена, что узорочанье спасает ее от всякого колдовства.

Обаяние есть чудесная сила, истекающая из кудесника, приводящая в недвижимость, в страх и трепет всякого человека. Воры обаянием усыпляют хозяев, зажимают рты собакам, смиряют свиней, утоляют ярость змей, усмиряют лошадей. В этом как-то нечаянно сошлись наши поселяне с магнетизмом Месмера. Желательно знать: обаяние ли прежде существовало или магнетизм Месмера?

Рассказы бывалых людей о существовании Черной книги исполнены странных нелепостей. В их заповеданных рассказах мы слышим, что Черная книга хранилась на дне морском, под горячим камнем Алатырем. Какой-то злой чернокнижник, заключенный в медном городе, получил завет от старой ведьмы отыскать книгу. Когда был разрушен медный город, чернокнижник, освободясь из плена, опустился в море и достал Черную книгу. С тех пор эта книга гуляет по белому свету. Было когда-то время, в которое Черную книгу заклали в стены Сухаревой башни. Доселе еще не было ни одного чернокнижника, который бы мог достать Черную книгу из стен Сухаревой башни. Говорят, что она связана страшным проклятием на десять тысяч лет.

Говоря о Черной книге, наши поселяне уверяют, что в ней содержатся чертовские наваждения, писанные волшебными знаками. Но наши предки XVI столетия знали подробнее нас, современников. Они к Черной книге причисляли: Рафли, Шестокрыл, Вороноград, Остромию, Зодей, Альманах, Звездочетьи, Аристотелевы врата. Мы ничего не можем сказать об этих книгах, потому что ничего о них не знаем.

Вот образчики народных преданий из русского чернокнижия. Рассматривая их, каждый может убедиться, что они всегда существовали под покровительством неве-

жества. Скрываемые в семейной жизни, как заповедные тайны, сказания переживали века и людей и, осеняемые чудесным вымыслом, успели обольстить простодушные сердца.

Древние русские сказания

Старые записи грамотных людей, дошедшие до наших времен, уверяют нас в давности тайных сказаний русского чернокнижия. Они, как вековые памятники, указывают нам на времена и обстоятельства, среди которых являлись люди с предрассудками и заблуждениями. Прочитаем эти записи.

«Лета 6632 (1124) восташа Волсви лживие в Суздале, избиваху старую чадь, бабы, по диаволу поучению и бесованию, яко сии держать гобино и жито, и голод пушают, и бе мятеж велик, и глад по всей стране той, яко же мужу своя жена даяти, да ю кормят себя челяди ном».

«Прииде Волхв прельщен бесом, и пришед к Киеву (в 1071 г.) глаголаше сице: поведая людем, яко на пятое лето Днепру тещи на вспять, а землям прийти на иные места, яко стати Греческой земли на Русской, а Русской на Греческой, и прочим землям изменитися, его же невегласи послушаху, вернии же насмеяхуся, глаголюще: бес тобою играет на пагубу тебе. Се же и бысть ему; во едину убо ночь бысть безвести. Беси бо, подтокше, на зло водят, по сем же смеются, ввергши в пропасть смертную, и научивши глаголати, яко се скажем бесовское научение и действо»¹.

«Бывши бо едино скудости в Ростовсей области, востаста два Волхва от Ярославля, глаголюще: яко мы свемы,

¹ Старые записки взяты из летописей Ростовской и Кенигсбергской Рукописи, лист 103, 105, 106, 109. — *Здесь и далее примеч. И. П. Сахарова.*

кто обилие держит. И идоста по Волзе и приидоста в погост; ту лучшая жены наричуше, глаголюще: яко сия жито держит, а сия мед, я сия рыбу, а сия скору. И привожаху к ним сестры своя, и мать, и жена своя; они же в мечте прорезоваша им за плечом, и выимаста любо жито, любо рыбу, любо белку. И убиша многи жены, имения их отнимаху за ся; и приидоста на Белоозеро; и бе у них иных людей триста».

«Случися прийти от Святослава дань емлюще Яну, сыну Вышатину, и поведаша ему Белозерцы, яко два Волхва пришли, и ужа многих по Волзе и по Шексне погубили, и пришли еще семо. Ян же испыта, чьи есть смерди; и увидев же Ян яко князя его, и посла к ним, иже около его суть, и рече: выдайте Волхвов тех семо, яко смердиев князя моего и мои; они же сего не послушаша. Ян же сам поиде без оружия. И реша ему отроцы его: не ходи без оружия: иссоромят тя. Он же повеле взять оружие отроком, беста бо с ним 12 отрок, и поиде с ними по лесу; они же сташа, испочнившесея противу. Яневи же идущу с топорком, выступиша от них три мужа и приидоша к Яневи, рекуше ему: видя, что идеши на смерть, не ходи. Яневи же повелевшу бити я, к прочим же поиде; они же сунушася на Яна, един же грешись топором. Ян же оборотя топор и ударя тыльем, повеле откроком своим сечи их; они же бегоша в лес; убиша же ту попина Янева. Ян же шед во град к Белозерцом, и рече им: аще не имете Волхвов тех, не иду от вас за лето. Белозерцы же шедше, яша их и приведоша их к Яневи. И рече им Ян: что ради толико погубиста человек? Онем же рекшим: яко ти держат обилие; да аще истребим сих, да будет гобина; й ащи хочеши, пред тобою выем жито, или рыбу, или иное что. Ян же рече: по истине лжа то есть: сотворил есть Бог человека от земли, составлен костью и жилами от крове и несть в нем ничто же, но токмо Бог един весть. Они же глаголаста: вемы, како есть сотворен человек. Ян же рече: како? Они же реста: Бог мыв-

ся в мовнице, и вспотев отресея ветхом и сверже с небеси на землю; и распреся сатана с Богом, кому в нем сотвори-ти человека. И сотвори диавол человека, а Бог душу в он вложил; тем же аще умрет человеке, в землю идет тело, а душа к Богу идет. И рече им Ян: по истине прельстил есть вас бес. Коему Богу веруете? И реша: Антихристу. Он же рече им: то где есть? Они же рекоша: сидит в бездне. И рече им Ян: то кий-то Бог сидит в бездне? той есть бес, а Бог есть на небесех, седит на престоле славимый от ангел, иже предстоят ему со страхом, не могуще нань зрети, а сих ангел свержен бысть за гордость с небеси, его же вы глаголете Антихриста, и есть в бездне, яко же вы того глаголете, ждуще, егда снидет Бог с небеси, сего Антихриста ем, свяжет узамы, и посадит в огне вечнем с слугами его, иже к нему веруют; вам же и здесь прияти мука у меня и по смерти тамо. Онем же глаголющим: наши бози поведают — не можеша нам сделать ничесо же. Он же рече им: лжут вам бози ваши. Они же реша: нам стати пред Святославом в Киеве, а ты нам не можеша сотворить ничесо же. Ян же повеле бити их и торгати брады их. Сим же биенным и поторганным, рече им Ян: что вам бози ваши скажут? Онем же глаголющим: стати нам пред Святославом. И повеле Ян клеп вложить во уста их, и привязать их ко упругу, и спустити пред собою в лодьи, а сам за ними пойде и стаха на усть Шексны. И рече им Ян: что вам бози ваши поведают? Они же реша: тако молвят бози наши — не быти нам живым от тебя. И рече им Ян: то вам право поведали. Они же рекоша: аще наю пустиши, много ти добра будет; аще ли нас погубиши, то многу печаль приимеши и зло. Ян же рече: аще вас пущу, то зло ми будет от Бога. И рече Ян к повозникам: аще кто у вас убиен бысть от сих? Одни же реша: у меня мати; а другие рече: у меня сестра, у меня жена. Ян же рече им: мстите своих. Они поимше их, биша и возвесиша их на дуб, отместие приимше от Бога и о правде Яневи же идушу во свояси, в другую ж ночь мед-

ведь взлез угрызе их, и тако погибоша напущением бесовским. И нем ведуще и глаголюще: а своя погибели не сведуще; аще быста ведали, не бы пришли на место се, иде же ятыма быти има; аще и ята быста, почто глагоста: не умрети нама, оному мысля-щу убити я. Но се есть бесовское наущение; беси бо не ведают мысли человеческие и тайны не сведуще; Бог же един весть помышления человеческие; беси бо не ведают ничто же; яко и се скажем о взоре их, и о немощи и обморочении их».

«Ключися некоему Новгородцу приидти в Чудь, и прииде к кудеснику, хотя волхвованый от него. Он же, по обычаю своему, хотя начати, и начать призывать бесы в храмину свою. Новгородец же той седе на пороге тоя храмины. Кудесник же лежаше, оцепенев и шибе им бес. Кудесник же встав, рече Новгородцу: бози не смеют приидти, нечто имаши на себе, его же боятся. Он же воспомяну на себе крест; и отшед, поставя крест, кроме храмины тоя. Он же начать призывать опять бесы; бесы же, метавше им, поведаша, чего ради пришел есть? По сем же начат вопрошати его, его же носит на себе креста. Он же рече: то есть знамение небесного Бога, его же наши бози боятся. Он же рече: то кацы суть бози ваши? да где живут? Он же рече: бози наши живут в безднах, суть же образом черны, и крылаты и хвосты имуще; восходят же и под небо, слушающе ваших Богов, ваши ж Боги на небесех суть; да аще кто умрет от ваших людей, то возносим есть на небо; аще ли кто от наших людей умрет, то носим есть к нашим Богам в бездну, яко же бо есть и грешницы во аде ждуще муки вечные, а праведницы в небесных жилищах водворяются со ангелы. Сице бо есть бесовская сила и лепота и немощь, тем же прельщают человеки, веляще им глаголати видения, являющесе им, несвершенным верою, во сне, инем в мечте, и тако волхвуют научением бесовским. Паче женами бесовская волшвления бывають; изкони бо бес их прельсти, а жена мужа, також де в родех мнозех все жены волхвуют чародейством, и отравою и иными бесовскими

бездми, но и мужи прельщены бывают невернии от бесов, яко же се в первые роды»¹.

«Предивно бысть в Полотске, в мечте бываше в нощи, стоняше тутно по улице, аки человецы рищуще беси. Аще кто вылезаше из хоромины, хотя видети, и уязвлен бываше невидимо от бесов язвою, и с того умираху, и не смеяху излазити из хором. И по сем во днех начаша являтися на конех и не бе их видети самих, но коней их видети копыта, и тако уязвляху люди Полотския и их область, тем бо и человецы глаголаху: яко на яве бьют Полочаны».

В посланиях русских архипастырей находим ясные доказательства о распространении в простом народе тайных сказаний. Приводим некоторые указания:

Митрополит Фотий в послании своем к новгородскому архиепископу Иоанну, в 1410 году, писал: «Учите, чтобы басней не слушали, лихих баб не принимали, ни узлов, ни примолвления, и где таковые лихие бабы находятся, учите их, чтобы престали»².

Новгородский архиепископ Геннадий в послании своем к Нифонту, епископу суздальскому, говорил: «Уже ныне наругаются христианству: вяжут кресты на вороны и на вороны... ворон летает, а крест на нем вязан, древян... а на вороне крест медян. Да привели ко мне попа, да диакона, а они крестьянину дали крест тельник: древо *плакун*, да на кресте вырезан ворон... а христианин дей с тех мест учал сохнуть, да не много болел, да умер»³.

В грамоте Мисаила, митрополита белгородского и обоянского, писанной в 1673 году, к Никодиму, архимандриту Курского Знаменского монастыря, сказано: «Да в

¹ Это единственный рассказ, открывающий следы русской мифологии. Верование скандинавов живо отражается в кудесниках ростовских.

² Ворожба чудского кудесника указывает прямо на финское происхождение. См. Вестник Европы. 1828. № 13. С. 1.

³ Карамзин Н. История Государства Российского (Ист. Гос. Рос. Кар.). Т. V. Прим. 252.